

УДК 821.161.1 : 159.95 + 82–3 “1920–1949”

«БУНТУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК» А. КАМЮ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ РОМАНЕ Ф. ГЛАДКОВА «ЭНЕРГИЯ»

Е. Е. МАШКОВА,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры
русской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет,
Россия, г. Симферополь, пер. Учебный, 8,
тел. + 7978 7 32 5 911, e-mail: lebed_ekaterina@bk.ru

Аннотация

Машкова Е. Е. «Бунтующий человек» А. Камю в производственном романе Ф. Гладкова «Энергия».

В предлагаемой статье анализируется трансформация идей, образов и мотивов «Бунтующего человека» А. Камю в производственном романе Ф. Гладкова «Энергия». В советской литературе реминисценции запрещенных авторов нередко использовались для характеристики врага. Показано, что текст А. Камю в «Энергии» становится своеобразной призмой, сквозь которую преломляются идеи опального в СССР Ф. М. Достоевского. Оговариваются случаи, когда отдельные художественные эксперименты Ф. Гладкова диссонировали с идеологической сверхзадачей автора.

Ключевые слова: советская литература, соцреализм, производственный роман.

Summary

Mashkova Ye. Ye. “The Rebel” by A. Camus in the production novel “The Energy” by F. Gladkov.

The article analyzes the transformation of ideas, images and motives of “The Rebel” by A. Camus in the production novel “The Energy” by F. Gladkov. In the Soviet literature reminiscences of banned authors were often used for the enemy’s characterization. It is shown that in “The Energy” A. Camus’ text becomes a prism through which F. M. Dostoevsky’s ideas disgraced in the Soviet Union are refracted. It deals with cases when some F. Gladkov’s literary experiments discordant with the author’s ideological task.

Keywords: Soviet literature, Socialist realism, production novel.

Экзистенциальные искания европейской литературы и советский соцреалистический литературный дискурс 1940-х годов – на-

столько разнополярные явления, что на первый взгляд исключается всякая возможность их сопоставительного анализа. Немногочисленный пантеон «разрешенных» западноевропейских классиков был утвержден на Первом всесоюзном съезде советских писателей еще в 1934 году: не отправляли в запасники Шиллера, Бальзака, Шекспира и Сервантеса. Впрочем, как тогда говорилось, и у этих авторов по гамбургскому счету «учиться» советскому писателю нечему.

Публикация отдельных частей «Бунтующего человека» А. Камю во второй половине 1940-х годов вызвала волну разгромных статей даже на родине писателя. Редакция «Юманите» обвиняла Камю «не больше и не меньше как в пропаганде террористических актов против советского руководства (а затем и против миллионов коммунистов)» [5, с. 385]. Реакция левой западной печати не могла не вызвать резонанса в СССР. А. Камю причислили к идеологам фашизма.

Примечательно, что с легкой руки М. Горького ответственность за фашизм возлагали и на идейного «учителя» А. Камю – «архискверного» Ф. М. Достоевского. Но, как бы ни вытравливался ген Достоевского из ментальности советской литературы 1920-1930-х годов, критики небезосновательно продолжали уличать писателей в «достоевщине».

В 1920-е годы «кошмарно-бредовый» психологизм, склонность «к изображению болезненных явлений психики... бредовых переживаний... мучительных разговоров с копанием в своих и чужих душах» не раз подмечали в произведениях признанного классика соцреализма Ф. Gladкова [4, с. 77; 8, с. 45, 46; 2, с. 331, 333, 340]. К поэтике Ф. М. Достоевского Ф. Gladков обращался и позднее – правда, теперь излюбленные приемы автора «великого пятикнижия» использовались большей частью для обрисовки образа врага. Так, в 1947 году, готовя к переизданию роман о строительстве Днепрогэс «Энергия», Ф. Gladков ввел в его пятую часть новую главу – «Душонка, обремененная трупом», в которой раскрывал «психологию» и «философию предательства» [1, с. 682]. Вынесенные в заглавие слова Эпиктета задали тон повествованию: автор показал агонию тайных и явных вредителей, в изображении которых оказались оправданны надрызг, истерика, «досто-

евщина». Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что идеи, образы, мотивы «Записок из подполья» просвечивают в «Энергии» сквозь призму выросших на Достоевском французских экзистенциалистов. А реминисценции из Камю доказывают: с текстом «Бунтующего человека» Ф. Гладков был знаком достаточно хорошо, и очевидно, не только по выдержкам из разгромных газетных публикаций.

На строительстве электростанции бунтуют у Ф. Гладкова шпионы и диверсанты. Вредитель Самородов, с его ужимками и кривляньем, – выродившийся карамазовский черт, сологубовский мелкий бес. Об этом в лицо говорит герою его невольный подельник Шагаев: «Ты не существуешь: ты только кошмар во тьме...»; «...мелкий бес какой-то...» [1, с. 645, 639]. Чтобы передать предельное эмоциональное напряжение героев, нервно-взвинченную атмосферу их последнего разговора, автор прибегает к интонациям Достоевского. Они звучат в романе хаотично, бессвязно. Диалога, а тем более идейного спора с классиком здесь нет, хотя в некоторых случаях Самородов и повторяет мысли Подпольного Парадоксалиста.

Герой Достоевского рассуждал о человеке: «Да осыпьте его всеми земными благами... чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории, – так он вам... из одной неблагодарности... мерзость сделает. Рискнет даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора... единственно для того, чтобы... самому себе подтвердить... что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши...» [3, с. 112]. «И почему вы так твердо... уверены, что только одно... благоденствие человеку выгодно? <...> Ведь, может быть, человек... ровно настолько же любит страдание?» – спрашивал Подпольный воображаемых архитекторов «хрустального здания» [3, с. 119].

Эти идеи в 1920–1930-е годы не раз оказывались в центре внимания советских писателей. Скутаревский в одноименном романе Л. Леонова был уверен, что «человек имеет право не походить на ту стандартную модель, которую придумал для него тупой и честный доброжелатель» [7, с. 49]. Выдумавший «единственный общепролетарский дом» инженер Прушевский в «Котловане» А. Пла-

тонова «не мог предчувствовать устройства души поселенцев общего дома», а Вощев лишь «допускал возможность того, что... будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме» [9, с. 116]. На Пленуме Оргкомитета советских писателей тему самоощущения человека в социальном рае поднимал теоретик «Передела» И. Катаев: «Мы хотим знать, каким будет человек в этой обетованной земле. Мы знаем, что он будет здоров телом и ясен умом, что он будет хорошо думать и хорошо работать. Но будет ли он счастлив <...>?» [10, с. 96–97]. Уже в самих этих вопросах звучало сомнение.

У героя же Гладкова на этот счет сомнений не было. Самородов точно знает, «что произойдет в коммунистическом рае на другой же день после его торжества»: «Человек-то от чрезмерной свободы, от ненужности своих органов почувствует невыразимый гнет всех его созданий, превративший его в остановившееся существо. Он придет в ужас от обреченности, он будет скован безработными своими мускулами, он ослепнет от близорукости и подохнет от атрофии кишок. Он панически поднимет бунт и крикнет: я хочу свободы от свободы! Хочу счастья для своих рук и ног! Хочу радости членовредительства! Зверем хочу быть, варваром, каннибалом! Жажду брата моего душить!..» [1, с. 644–645]. И далее: «Не хочу самоотрицания – хочу самоутверждения! Хочу из каменной клетки египетского рабства вырваться в бесконечность своих дерзаний» [1, с. 646].

Как видим, речь Самородова с пассажирами о «свободе от свободы», «бунте» и «членовредительстве», побеге из «рабства» будто склеена из беспорядочно вырезанных строк «Бунтующего человека» А. Камю. Самородов в своем стихийном мятеже против навязываемого, гарантируемого революцией благоденствия, поработавшего человека, формально реализует тезис Камю о том, что «...революция... предполагает... возможность низведения человека до уровня простой исторической силы. А бунт – это протест человека против его превращения в вещь, против его низведения к истории» [5, с. 313].

Однако в «Энергии» от Достоевского и Камю не остается ничего, кроме сходства словесных формулировок. В размышлениях Подпольного Парадоксалиста о хрустальном дворце слышна пре-

достерегающая интонация Достоевского, в словах гладковского «подпольного» – только жажда анархии, шаша, вседозволенности. Герой Достоевского, желая показать уязвимость любой теории на примере концепции Бокля, согласно которой «от цивилизации человек смягчается, следственно, становится менее кроважиден», предполагает: «Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений... А через развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение» [3, с. 111]. В «Энергии» звучит усеченный Достоевский. Самородов выдает провокационный контраргумент Парадоксалиста за свою жизненную правду: «...Настоящее опьянение и ураган в душе бывают только от человеческой крови» [1, с. 644].

Точно так же искажается в романе и А. Камю. «...Я всячески настаиваю на страстном созидательном порыве бунта, который отличает его от озлобленности, – пишет Камю. – По своей видимости негативный, поскольку ничего не создает, бунт в действительности глубоко позитивен, потому что он открывает в человеке то, за что всегда стоит бороться» [5, с. 132]. Пьяный же дебош Самородова с кооперативной водкой, разгулом и развратом оборачивается тотальной деструкцией. Своей книгой Камю говорит: «бунт не ведет к... преступлениям против человечества» [6, с. 12]. Самородов кричит: «Хочу брата моего душить!», жаждет варварской «радости членовредительства».

Шагаев называет Самородова фашистом: «Нет, тебя надо уничтожить, как заразу... расстрелять и сжечь... Ты – фашист... людогад...» [1, с. 642, 645]. Но и эти упреки нельзя отнести на счет «наученного» Достоевским «теоретика вредительства» А. Камю. Отдав дань ницшеанству, в пору «Бунтующего человека» Камю уже не поддерживал «вседозволенность ницшеанско-карамазовского пошиба». В 1943–1944 годах в «Письмах к немецкому другу» философ публично отрекся от недавнего имморализма. Тогда же Камю присоединился к движению Сопротивления во Франции, следовательно, его никак нельзя было назвать сторонником фашизма [5, с. 385].

Заставив врагов заговорить языком опосредованного Камю Достоевского, Гладков, казалось бы, действовал на потребу време-

ни и по его законам. И все же несколько деталей в романе диссоциируют с нормами соцзаказа. В «Энергии» Шагаев повторяет Самородову: «Уж очень ты трафаретная тень. Так, мелкий бес какой-то...» Жалкими пародиями, слабыми, грубо вылепленными копиями называет он все самородовское племя: «Все вы такие... Воображаете себя сверхчеловеками, ницшеанскими bestиями, а на самом деле – так, гаденькие паразиты, агасферишки...» [1, с. 645, 642]. Враги и вредители у Гладкова не выдерживают сравнения с Достоевским и Камю; примеряя на себя образы их героев, оказываются раздавленными их мощью.

Производственный роман по праву называется исследователями квинтэссенцией соцреализма; «Энергия» входит в число наиболее репрезентативных текстов этой жанрово-тематической разновидности, ее автор считается мэтром советской литературы. Но поэтика «Энергии» на поверку оказывается не свободной от реминисценций запрещенных Камю и Достоевского, что, с одной стороны, выдает читательские пристрастия Ф. Гладкова, а с другой – помимо воли автора обнажает идею: в советской трактовке вечные темы неизменно мельчают.

Список использованных источников

1. Гладков Ф. Собрание сочинений : в 5 т. / Ф. Гладков. – М. : Худож. лит., 1983–1985. – Т. 2: Энергия : роман / Коммент. А. Маркова. – 1984. — 703 с.
2. Горбачев Г. Современная русская литература / Г. Горбачев. – Л. : Прибой, 1928. – 376 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Художественные произведения : тома I–XVII / Ф. М. Достоевский ; [редколл. : В. Г. Базанов, В. В. Виноградов, Ф. Я. Прийма, Г. М. Фридендер, М. Б. Храпченко]. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 5 : Повести и рассказы 1862–1866. Игрок / [ред. тома Е. И. Покусаев]. – 1973. – 408 с.
4. Евгеньев-Максимов В. Ф. Гладков / В. Евгеньев-Максимов / Федор Гладков : статьи. – М. : «Никитинские субботники». – 1928. – С. 71–83.
5. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. – 415 с.

6. Кандалинцева Л. Е. Проблема свободы в социальной философии Франции (А. Камю, Ж.-П. Сартр) : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.1 / . – М., 2000. – 23 с. ; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats1/a123.htm> (19.04.11).

7. Леонов Л. Собр. соч. : в 10-ти т. / Леонид Леонов. – М. : Худож. лит, 1969–1972. – Т. 5 : Скутаревский (роман). – 1970. – 319 с.

8. Львов-Рогачевский В. Л. Гладков Федор Васильевич / В. Л. Львов-Рогачевский // Федор Гладков : статьи. – М. : Никитинские субботники, 1928. – С. 41–48.

9. Платонов А. Котлован / А. П. Платонов // Платонов А. П. Государственный житель : проза, ранние сочинения, письма. – Минск : Маст. літ., 1990. – С.105–198.

10. Советская литература на новом этапе : стенограмма Первого пленума оргкомитета Союза советских писателей (29 октября – 8 ноября 1932). – М., 1933. – 257 с.